

Н.Д. Носков

**Попытки ограничения
самодержавия в XVIII и XIX
столетиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Д. Носков**
Попытки ограничения самодержавия в XVIII и XIX столетиях / Н.Д. Носков –
М.: Книга по Требованию, 2016. – 60 с.

ISBN 978-5-458-15832-9

Политическая библиотека под редакцией профессоров И. И. Иванюкова, А.
С. Посникова и В. П. Воронцова. Приложение к "Биржевым ведомостям",
второе издание.

ISBN 978-5-458-15832-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

эти два понятія, но по содержанію они у него сливаются. Градовскій также проводит различіе между этими понятіями. Онъ разсматриваетъ названіе „неограниченный“ въ томъ смыслѣ, что воля монарха не стѣснена извѣстными юридическими нормами, поставленными выше его власти. Выраженіе же „самодержавный“ означаетъ, что „русскій императоръ не раздѣляетъ своихъ верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ, т. е., что каждый актъ его воли получаетъ обязательную силу, независимо отъ согласія другого установленія“.

Однако, по вѣрному замѣчанію проф. Коркунова, и въ такомъ опредѣленіи самодержавіе и неограниченность сливаются воедино, такъ какъ существованіе „юридическихъ нормъ, поставленныхъ выше воли монарха, возможно, конечно, только подъ условіемъ раздѣленія верховныхъ правъ между нимъ и другими установленіями“. По мнѣнію того же автора, сводъ законовъ, „опредѣляя власть монарха, какъ самодержавную, неограниченную, не обозначаетъ этими словами различныхъ ея свойствъ, а для большей ясности одно и то же свойство опредѣляетъ двумя однозначущими словами“, т. е. „понятіе самодержавія объемлетъ собою понятіе неограниченности, въ смыслѣ сосредоточенія въ рукахъ монарха всей полноты государственной власти“.

Главнымъ отличіемъ государства съ неограниченной самодержавной властью отъ деспотіи является—законность. Государь сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту верховной власти, но осуществляетъ ее правомѣрно *). „Черезъ это, по мнѣнію Градовскаго, „устанавливается юридическій, правомѣрный характеръ русскаго государственнаго устройства, въ отличіе отъ формъ произвольныхъ, деспотическихъ“.

*) Ст. 47-я основныхъ законовъ Рос. Имп.

Хотя начало законности въ русскомъ государственномъ быту не явилось результатомъ какого-нибудь одного законодательнаго постановления, а сложилось „какъ плодъ развитія государственной жизни“, но все-таки „самоограниченіе власти правомъ составляетъ необходимое условіе каждаго сколько-нибудь развитаго государства“.

Первымъ основаніемъ, заставляющимъ власть признавать свое самоограниченіе и подчиняться началамъ права, по мнѣнію Коркунова, является чувство законности, лояльности, составляющее „одно изъ надежнѣйшихъ обезпеченій силы и прочности государственной власти“. „Чувство это можетъ развиться въ гражданахъ только при томъ условіи, если сама власть въ своей дѣятельности будетъ имъ являть примѣръ строгаго уваженія права“. Вторымъ основаніемъ является строгое подчиненіе дѣятельности всѣхъ органовъ власти опредѣленнымъ законамъ.

Если верховная самодержавная власть тѣмъ же актомъ 17-го октября признала свое самоограниченіе, то исполнительные органы бюрократической власти до сихъ поръ далеки отъ подчиненія своей дѣятельности опредѣленнымъ законамъ. Самодержавная бюрократія до сихъ поръ пишетъ свои законы, даже вопреки ясно выраженному повелѣнію, что ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы закона, не пройдя черезъ Государственную Думу.

Право и законность на Руси всегда попирались, и власть въ лицѣ ея исполнителей никогда „не являла примѣра строгаго уваженія права. Она всегда покоила свою силу на безспіи, раздробленности общества и уступала только силѣ въ моменты пробужденія самосознанія, если не всего общества, то хотя бы его отдѣльныхъ сословій“.

Все прошлое Россіи только подтверждаетъ эту мысль.

Попытки ограниченія самодержавія не

чайное явленіе русской исторіи, отличной отъ историческаго пути западныхъ государствъ, гдѣ государственной организаціи противопоставлялась организація общественныхъ силъ, гдѣ самыя сословныя различія явились не плодомъ усиленія государственной власти, какъ въ Россіи, а ея ограниченіемъ. Развитие государственной жизни шло въ Россіи особымъ, чѣмъ на Западѣ, путемъ.

Государственной власти не было противопоставлено субъективное право отдѣльныхъ сословій и гражданъ.

Государственный строй у насъ явился не результатомъ соглашенія или договора гражданъ съ властью; уже первые князья были, въ глазахъ народа, носителями идеи національнаго единства. Недовольный элементъ не шелъ на прямую борьбу съ властью, онъ уходилъ отъ ея стѣсненій и растекался по широкому лицу Русской Земли.

„Недовольные у насъ, замѣчаютъ одинъ изъ ученыхъ, не брались за оружіе, а разбѣгались. При такой пассивности населенія, государству не приходилось бороться за власть, не приходилось отстаивать свои права противъ враждебныхъ притязаній. Главная задача государственной власти сводилась къ тому, чтобы собрать полуосѣдлое населеніе и какъ-нибудь устроить его“. При этихъ условіяхъ вопросъ естественно ставился уже не о субъективныхъ правахъ, а о порядкѣ, о законѣ. Отсутствие скученности и простой осѣдлости населенія дѣлало невозможнымъ и образованіе сколько-нибудь организованныхъ сословій *).

Вслѣдствіе такого историческаго хода развитія русской государственной власти, осуществленіе государственной власти регулируется у насъ не субъективными правами от-

*) Ср. Исторія Россіи Соловьева. Кн. I Государственное право Коркунова.

дѣльныхъ сословіи и личностей, а объективнымъ правомъ, обычаемъ и закономъ.

Вмѣсто западнаго феодализма, древняя Русь противопоставляла родовыя княжескія отношенія. Мало по малу они уступаютъ мѣсто единовластію. Борьба новаго со старымъ оканчивается побѣдой новаго: государственныя отношенія побѣждаютъ родовыя. Выдвигается Москва, какъ центръ государственнаго сосредоточенія. Москва усиливается, богатѣетъ, подчиняетъ себѣ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Препятствій, при этомъ, дѣйствіямъ московскихъ князей мало, „пособій—много“.

Способствовало имъ: отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, постоянное передвиженіе населенія, неразвитость жизни въ городахъ, характеръ населенія—мирный и не легко увлекающійся. Усобицы давно наскучили. Единственнымъ выходомъ изъ нихъ явилось единовластіе. На сторону усиливающагося значенія Москвы тянули и дружинники князей, всегда тяготѣвшіе къ сильнѣйшимъ и богатѣйшимъ, и самое могущественное въ древней Руси сословіе—духовное.

Потому-то и формы, въ которыхъ образовывалось московское государство, обуславливались отношеніями власти къ духовенству, дружинѣ и остальному населенію. „Отношенія духовенства—говоритъ Соловьевъ—опредѣлялись византійскими преданіями; дружина не была дружиною завоевателей“. При постоянномъ движеніи и пріѣздѣ отовсюду новыхъ слугъ, трудно было образоваться какимъ-нибудь „постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ“.

Правомѣрность установилась у насъ не какъ продуктъ борьбы сословіи и общественныхъ классовъ за свои права, а какъ объективное требованіе порядка. Законность является въ нашей государственной жизни не оградительнымъ, а навязаннымъ плечемъ

я ея собственнымъ созданіемъ. Поэтому развитіе законности не обуславливалось у насъ развитіемъ „политическихъ правъ“, въ противоположность Западу, гдѣ развитіе политическихъ правъ явилось краеугольнымъ камнемъ всего государственнаго строя.

Завоеваніе ихъ легло въ основу русскаго освободительнаго движенія, начавшагося еще въ XVIII вѣкѣ. Еще на зарѣ его, въ верхнихъ кругахъ русскаго общества, среди титулованной аристократіи, зародились первыя стремленія къ перемѣнѣ существовавшаго строя, начались попытки ограниченія самодержавія. Попытки, правда, преслѣдовавшія не общее благо страны и народа, а лишь благо отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ круговъ общества. Старое русское боярство, утратившее свое прежнее значеніе при Петрѣ, новые выходцы, приближенные ко двору и вознесенные на высоту почестей, чиновъ и регалій, составляли русскую родовую и служилую аристократію. Приливъ и отливъ здѣсь былъ постоянный. Одни со стремительной быстротой поднимались наверхъ, къ почестямъ и первымъ мѣстамъ, другіе съ такой же стремительностью падали внизъ.

„Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія то почесть свойственна царю“, твердилъ Петръ I. Его желѣзная рука, его геній давили все, сжимая въ одну опредѣленную форму государственный строй. Но и его генію приходилось считаться съ низостью однихъ, продажною другихъ, непониманіемъ третьихъ его ближайшихъ совѣтниковъ, главныхъ проводниковъ его взглядовъ въ массу.

II.

Иоаннъ III явился первымъ русскимъ государемъ, принявшимъ наименованіе самодержца. По замѣчанію профессора Ключевскаго, это наименованіе указывало на внѣшнюю пе-

зависимость. Такое же толкованіе даетъ и Соловьевъ встрѣчающемуся въ лѣтописи слову „самовластецъ“ и употребляемому въ значеніи единовластецъ. Оно прилагалось къ князьямъ удѣльнаго періода, когда князь, избавившись отъ родичей, становился единовластителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самовластителемъ въ странѣ.

Но уже Іоаннъ IV толкуетъ самодержавіе именно въ смыслѣ безраздѣльнаго сосредоточенія всей полноты государственной власти въ рукахъ монарха. Онъ замѣчалъ Курбскому: „Како же и самодержецъ наречется, когда самъ не стоитъ?“ Но, однако, тотъ же Курбскій уже проводитъ различіе между деспотомъ-тираномъ и самодержцемъ.

„Если, — пишетъ онъ^{*)}, — царь почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ отъ Бога не можетъ получить всѣхъ дарованій, то долженъ искать дѣлаго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей, потому что даръ дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; не зрѣтъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто выѣститъ добрымъ произволеніемъ“.

Курбскій далѣе аттестуетъ Іоанна „злымъ тираномъ“.

Въ свою очередь Іоаннъ ведетъ свое начало самодержавства отъ св. Владиміра. Отвѣчая на упрекъ Курбскаго въ удаленіи царемъ совѣтниковъ изъ бояръ и въ единоличномъ управленіи землей, Іоаннъ гордо замѣчаетъ, что царь не долженъ находиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ и давать владѣть своимъ подданнымъ.

---

*) Ключевскій, В. О., Болгрекья Дума.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 1-ая. Т. 3.

Сказаніи князя Курбскаго.

Соловьевъ. Книга 2-ая.

„Русскіе самодержцы,--говоритъ Іоаннъ, —изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи“.

„Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и богоданнаго ему царя“, заявляетъ дальѣ Грозный, чертя апофеозъ самодержавію.

Гнетъ самовластья впервые почувствовали наиболѣе близкіе къ источнику власти, наиболѣе образованные на Руси изъ народа — бояре.

Среди боярскихъ круговъ рано созрѣла и окрѣпла мысль положить конецъ самовластію. Не чувствомъ угнетенной правды, не благомъ страны и народа вызваны были эти попытки. Высшее сословіе въ государствѣ, желая раздѣлить власть съ царемъ, всего менѣе думало о широкихъ кругахъ народныхъ. Отъ козней боярскихъ страдала земля, потому что личные, классовые интересы для нихъ всегда стояли выше общеземскихъ. Сословіе, желавшее раздѣленія власти, не сумѣло его добиться, потому что не сумѣло подняться на вершину общенароднаго блага. Власть ему была нужна, какъ средство для обладанія силой, а не какъ цѣль блага народнаго. Эгоизмъ самъ пожиралъ себя, хотя попытки ограниченія самодержавія боярами мы видимъ не мало въ Московскомъ государствѣ.

Соборъ, избравшій на царство Бориса Годунова отъ имени всей земли, не былъ, въ сущности, созданіемъ рукъ патріарха Іова. На немъ за весь народъ рѣшали дѣло духовенство и дворяне; люди неслужилого сословія составляли на Соборѣ ничтожное меньшинство, такъ какъ даже въ лицѣ выборныхъ отъ городовъ преобладали люди служилые.

Дошли извѣстія, что бояре желали, чтобы Годуновъ „цѣловалъ крестъ на ограничивающей его власть грамотѣ“.

При водареніи Василя Шуйскаго, въ царской грамотѣ уже прямо заявлялось, что безъ

соборнаго рѣшенія царь обязывается не проносить смертныхъ приговоровъ, вотчинъ не отнимать, и доводовъ ложныхъ не слушать...

Существуетъ также извѣстiе, передаваемое Соловьевымъ *), что въ избраніи перваго царя изъ дома Романовыхъ бояре взяли съ него, какъ и съ Шуйскаго, ограничительную запись: „не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти не предавать и вмѣстѣ съ преступникомъ не наказывать его родственниковъ“.

Борьба между самодержавіемъ и боярскими притязаніями велась продолжительное время, то затихая въ періодъ усиленія царской власти, то обостряясь въ періоды ослабленія послѣдней, въ години междуцарствія. Побѣда клонилась попеременно то на одну, то на другую сторону. Иванъ IV на первомъ Земскомъ Соборѣ въ своей покаянной рѣчи всенародно выставилъ на судъ нерадѣніе и самовластіе боярѣ. „Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ“, говорилъ онъ Алексію Адашеву.

Земскіе соборы въ XVII вѣкѣ до нѣкоторой степени парализовали вліяніе боярскоѣ, но съ другой стороны они же усиливали верховную власть.

Петръ, ведя государство по новому пути, уже не нуждался ни въ опорѣ Соборовъ, какъ голоса общества, ни въ помощи боярѣ. И тѣ, и другіе были для него пережитками стараго строя. Онъ желалъ править самодержавно, такъ, чтобы его воля была закономъ для всѣхъ. Но стоило только Петру смежить глаза, какъ прежняя сила активно выступаетъ на сцену. Достаточно вспомнить, что въ теченіе тридцати восьми лѣтъ русскій престолъ пере-

---

*) Исторія Россіи. Книга 2. Т. 9.

ходилъ изъ рукъ въ руки по волѣ кучки придворныхъ и гвардейскихъ солдатъ.

Аристократія подымала голову и самодержавно распоряжалась судьбами Россіи. Народъ былъ нѣмъ и безгласенъ; о его желаніяхъ, его волѣ не спрашивалъ никто.

Петръ умиралъ. Онъ еще дышалъ, борясь въ предсмертной агоніи, а въ соседнемъ покоѣ уже дѣлили его наслѣдство. Кому достанется оно? Императоръ лежалъ безъ сознанія; послѣднія минуты его были сочтены, а у русскаго престола не было наслѣдника. Умирающій императоръ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. Ближайшими наслѣдниками являлись внукъ Петра—сынъ трагически погибшаго царевича—и жена умирающаго царя, коронованная Екатерина Алексѣевна, титулованная синодомъ императрицей, цесаревниномъ величествомъ.

Большинство стояло за малолѣтняго Петра: и народныя массы, и знать. Екатерину же выдвигали птенцы Петра Великаго, новые люди: Меншиковъ, Толстой, Остерманъ.

Родовая аристократія въ своихъ вождѣніяхъ столкнулась со служилой. Что же преслѣдовали обѣ партіи? Благо народа и Россіи?—Ничуть не бывало. Родовая спѣсь желала воспользоваться лишь случаемъ, чтобы низвести высоко забравшихся „выскочекъ“. Послѣдніе трепетали за собственную шкуру. Фаворитъ Екатерины, Меншиковъ, дѣлалъ личное дѣло. Руки новыхъ людей были заложены въ крови: въ судѣ надъ замученнымъ царевичемъ Алексѣемъ „птенцы Петра“ играли видную роль. Въ случаѣ царствованія сына Алексѣя имъ пришлось бы плохо.

Члены синода пошли по той же дорогѣ; они боялись поворота вѣнцъ къ патріаршеству. Всюду впереди личныя побужденія, личное честолюбіе. Благо государства позади.

Былъ выдвинутъ между партіями компромиссъ: возвести на престолъ Петра, а за его малолѣтствомъ поручить управленіе Екатеринѣ. Однако, новые люди на это не пошли.

Они тяготѣли къ полнотѣ своей власти; самодержица Екатерина I будетъ царствовать, но управлять за нее будутъ тѣ же Меншиковъ, Остерманъ и Толстой.

Вельможи порѣшили за Россію, а Россія увидала „небывалое еще явленіе“—женщину на престолѣ.

Самодержавная по титулу Екатерина была ограничена верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, гдѣ засѣдали главные сановники, подъ предсѣдательствомъ императрицы, и гдѣ всѣ дѣла могли разрѣшаться лишь съ общаго вѣдѣнія членовъ.

Иностраннымъ министрамъ такая новость „казалась шагомъ къ перемѣнѣ правленія“. И дѣйствительно, верховный тайный совѣтъ, членами котораго были сдѣланы „самыя довѣренныя и знатныя лица“, являлся фактическимъ управителемъ Россіи. Отъ синода и сената были отняты титулы правительствующихъ.

Верховный Тайный Совѣтъ, по мнѣнію самихъ избранныхъ членовъ, поданному Императрицѣ, являлся къ „облегченію Ея Величества въ тяжкомъ бремени правленія“. „Никакимъ указамъ положено не выходить, пока они не состоялись въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно“. Кромѣ чужестранныхъ дѣлъ вѣдѣнію Верховнаго Тайнаго Совѣта подлежали всѣ тѣ дѣла, которыя „до ея императорскаго величества собственнаго рѣшенія касаются“.

Недовольство нововведеніемъ началось именно съ тѣхъ, которые рассчитывали подалъ, но не попали, въ число „самыхъ довѣренныхъ и знатныхъ лицъ“. Какъ бы то ни было, первый шагъ былъ сдѣланъ, почва расчищена: за Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ упрочены права. Вскорѣ онъ фактически и номинально встанетъ во главѣ управленія Россіей.

Двухлѣтнее царствованіе Екатерины кончилось. Снова ставится вопросъ объ ея преем-